

Имперское и неимперское в русской литературе

Илья Виноцкий

«Самостоянья щит»

БЫЛ ЛИ ПУШКИН НАЦИОНАЛ-СЛОВОТВОРЦЕМ?

Ilya Vinitsky

The Shield of “Self-Standing”: Did Pushkin Coin a Key Term of Russian Nationalism?

Илья Виноцкий (Принстонский университет; профессор кафедры славянских языков и литературы; доктор филологических наук) vinitsky@princeton.edu.

Ключевые слова: Пушкин, словотворчество, романтический национализм, славянское возрождения, дворянская утопия

УДК: 80+82

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_230

В последнее время (по понятным историческим причинам) активно обсуждается «вопрос о Пушкине» как символе имперской русской культуры, навязываемой государством с помощью различных идеологических институций. Говорят, в частности, о «вепонизации» (weaponization) Пушкина (ярким метафорическим выражением последней мы бы назвали построенный в 1943 году на собранные одним писателем-пушкинистом истребитель «Александр Пушкин»). В политической сфере борьба с государственным идолом «Пушкин» выражается в иконоклатическом ниспровержении его многочисленных (и ненужных) памятников в Украине (напомним, что первыми мысль об избавлении от хрестоматийного Пушкина высказали еще русские футуристы, а Маяковский — сам ставший государственным поэтом после смерти — вообще призывал взорвать его памятник с помощью динамита). В научной сфере — в попытках деконструкции пушкинской имперской идеологии, примеры которой

Ilya Vinitsky (Doctor of Philology; Professor, Department of Slavic Languages and Literatures, Princeton University) vinitsky@princeton.edu.

Key words: Pushkin, word-creation, Romantic Nationalism, Slavic revival, gentry utopia

UDC: 80+82

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_230

For understandable historical reasons, the role of Pushkin as a symbol of Russian imperial culture has been actively discussed recently. In particular, some have justly spoken about the “weaponization” of Pushkin (I would choose as the iconic representation of this phenomenon the destroyer “Alexander Pushkin,” built in 1943 with money collected by a single Pushkinist). In the political sphere the battle with the state idol of Pushkin has been expressed in the iconoclastic destruction of numerous monuments to him in Ukraine (it is worth recalling that the first to call for the destruction of the sanitized image of Pushkin were the Russian futurists, and Mayakovsky — himself a state poet after his death — advocated for blowing up his monument with dynamite). In the scholarly sphere it has been expressed in attempts at deconstructing Pushkin’s imperial ideology, examples of which scholars have found in his works from “The Prisoner of the Caucasus” to “I raised a monument” (at the center of such deconstructions one often finds the anti-Polish and anti-Western poems of the early 1830s). Of course, Pushkin was and considered

исследователи находят в его произведениях от «Кавказского пленника» до «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Конечно, Пушкин в какой-то степени был и считал себя имперским и национальным поэтом (как Овидий, Гораций и Катулл были поэтами и трансляторами идей Римской империи), но исследовательской задачей пушкинистики является, на наш взгляд, прочтение его творчества в актуальных для него историко-культурных и эстетических контекстах. Решение этой задачи, в свою очередь, неотделимо от изучения разных сценариев мифологизации Пушкина, включающих и государственно-пропагандистский, и либерально-просветительский. Настоящая статья представляет собой такого рода попытку и посвящена генеалогии одного известного пушкинского слова («самостоянье»), которое он, как считается, придумал и которое породило многочисленные политические, философские и эстетические интерпретации.

himself an imperial poet (just as Ovid, Horace and Catullus were poets and translators of the ideas of imperial Rome), but the scholarly task of Pushkin studies is at the moment, in my view, to read his work in new, nuanced, and topical — both for him and for us — historical, cultural, aesthetic, and international contexts. The solution to Pushkin's question is in turn inseparable from the study of various scenarios of the mythologization of Pushkin, whether for motives of state propaganda or for liberal and educational purposes. The present lecture represents such an attempt and is dedicated to the genealogy of one word in Pushkin (*samostoian'e* — literally “self-standing”), which is alleged to have been invented by the poet and has been appropriated by his interpreters in various periods and from various perspectives.

Пока гробы вносят, Борис обращается к залу:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Рассматривает ткань на платье Владимира Мономаха.

Мать честная! Вы посмотрите, как платье сохранилось...
Вот раньше делали, не то что сейчас...

Дмитрий Крымов. Борис. По мотивам исторической драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов» (сценарий)¹

В последнее время (по понятным историческим причинам) активно обсуждается «вопрос о Пушкине» как символе имперской русской культуры, навязываемой государством с помощью различных идеологических институций. Говорят, в частности, о «вепонизации» (wearonization) Пушкина (иконическим выражением последней мы бы назвали построенный в 1943 году на собранные одним писателем-пушкинистом истребитель «Александр Пушкин» [Виницкий 2023]). В политической сфере борьба с государственным идолом «Пушкин» выражается в иконокластическом ниспровержении его многочисленных (и ненужных) памятников в Украине (напомним, что первыми мысль об избавлении от хрестоматийного Пушкина высказали еще русские футуристы, а Маяковский — сам ставший государственным поэтом после смерти — вообще призывал взорвать его памятник с помощью динамита). В научной сфере — в попытках деконструкции пушкинской имперской идеологии, примеры которой исследователи находят в его произведениях от «Кавказского пленника» до «Я памятник себе воз-

1 Крымов Д. Своими словами: Режиссерские экземпляры девяти спектаклей, записанные до того, как они были поставлены. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 299.

двиг нерукотворный...» (в центре подобных деконструкций часто оказываются антипольские — антизападные — стихотворения поэта начала 1830-х годов).

Конечно, Пушкин был и считал себя имперским поэтом (как Овидий, Гораций и Катулл были поэтами и трансляторами идей Римской империи), но эта его имперскость явно преувеличивается как ее сторонниками, так и ее противниками, манипулирующими литературными фактами и игнорирующими важные творческие и историко-культурные нюансы. Исследовательской задачей пушкинистики на данном историческом этапе является, на наш взгляд, не очередная «спиритическая» попытка воскресить «живого», «хорошего» Пушкина (это еще один миф, лежащий в основании культа поэта), но прочтение его творчества в новых и актуальных для него (и для нас) историко-культурных и эстетических контекстах (собственно говоря, профессиональные пушкинисты этим и занимаются). Это обновляющее прочтение оказывается возможным благодаря современным технологическим достижениям, радикально расширившим базы исторических данных, не доступных нашим предшественникам, и глобализации научного сообщества, приобретающей в наше время, как и в давние эпохи религиозных и национальных войн, особое гуманитарное значение.

Решение этой задачи, в свою очередь, неотделимо от изучения разных сценариев мифологизации Пушкина, включающих и государственно-пропагандистский, и либерально-просветительский. Настоящая статья представляет собой такого рода попытку и посвящена генеалогии одного пушкинского слова, апроприированного интерпретаторами поэта разных эпох и взглядов.

Вычеркнутая строфа

В 1903 году известный филолог-славист, профессор Санкт-Петербургского университета И.А. Шляпкин опубликовал на основании сохранившихся черновых вариантов свою реконструкцию напечатанного П.В. Анненковым в 1855 году фрагмента болдинского стихотворения Пушкина «Два чувства дивно близки нам...», тесно связанного с принципиальными рассуждениями поэта, нашедшими отражение в «Моей родословной» и других произведениях начала 1830-х годов:

Два чувства дивно близки нам,
 В них обретает сердце пищу:
 Любовь к родному пепелищу,
 Любовь к отеческим гробам.
 На них основано от века,
 По воле Бога самого,
 Самостоянье человека, —
 Залог величия его.
 Животворящая святыня!
 Земля была без них мертва;
 Без них наш тесный мир — пустыня,
 Душа — алтарь без божества.

[Шляпкин 1903: 20]²

2 См. описание автографа: *Пушкин А.С. Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. Т. 1.* СПб.: Альфарет, 2013. С. 39, 141—143.

Эта смелая и весьма сомнительная реконструкция, ставшая впоследствии чуть ли не манифестом пушкинского патриотизма, вызвала резко отрицательный отклик П.Е. Щеголева в статье «Ненаписанные стихотворения Пушкина». В них известный пушкинист увидел «совершенное отсутствие поэзии; это — проза, и притом плохая», и заявил, что на их основе никак нельзя делать «заключения о росте национально-патриотического сознания Пушкина», которыми проникнута вся брошюра Шляпкина, — профессора, отличавшегося консервативными убеждениями [Щеголев 1904: 273].

Из восстановленных Шляпкиным стихов едва ли не наибольшей известностью пользуется вычеркнутая Пушкиным «строфа» о «самостоянье человека», причем слово *самостоянье*, встречающееся всего лишь один раз в творчестве поэта, почитается исследователями и комментаторами самых разных взглядов и методологий как его собственный неологизм, введенный в русскую культуру:

Юрий Лотман: Слово *самостоянье*, созданное Пушкиным, замечательно выражает понятие гордости, чувства уважения к себе, соединения культуры с ценностью родного дома [Лотман 1996: 807].

Сергей Бочаров: ...слово «самостоянье», по-видимому, образовано, создано поэтом в этом тексте как пушкинский неологизм, чем, разумеется, повышена его ценность в составе «словаря языка Пушкина» [Бочаров 1999: 96].

Эрки Пеуранен: Есть одно пушкинское слово, которое не вошло в словари. <...> Слово это «самостоянье», одно из центральных пушкинских слов [Пеуранен 2002: 274].

По мнению Ирины Сурат, «само слово “самостоянье” является пушкинским неологизмом и больше нигде у него не встречается» [Сурат 2015: 30]. «Рожденное в процессе художественного осмысления личного опыта» (болдинские хлопоты о будущем семействе), это слово «получает сильный акцент и особый статус в энергетически насыщенном, но лексически традиционном контексте окружающих его стихов» [Там же]. Заключение Сурат вошло в ее статью об этом стихотворении, напечатанную в «Пушкинской энциклопедии»: «“Самостоянье” — созданное Пушкиным слово, имеющее аналоги в других его высказываниях: “наука первая” “читать самого себя” (“Еще одной высокой, важной песни...”, 1829 [перевод фрагмента “Hymn To The Penates” Роберта Саути]), “независимость и самоуважение” («Вольтер», 1836)» [Сурат 2009: 414]. Со второй половины 1820-х годов эта тема тесно переплетается у Пушкина с темой памяти и истории (наследственных гробов) — от «Бориса Годунова» до кладбищенского стихотворения «Вновь я посетил...» (1835).

Толкователи понимают пушкинское слово по-разному, часто в зависимости от собственных убеждений: «английское» чувство самоуважения [Энгельгардт 2019: 163—164], внутренней свободы, дома [Лотман 1996: 807], чувство «независимости поэта от любого внешнего давления» [Альтшуллер 2023], сохранение и самоутверждение себя как личности [Макогоненко 1974], «неповторимость и значимость [человека] посреди множества ему подобных существ окружающего мира» [Кошелев 2013: 170], «ключевая» антропологическая формула «философии личности» [Сурат 2009: 414], «эквивалент заимствованному и неясному в русском языке слову “амбиция”» [Захаров 1995: 643], «одиначест-

во и свобода»³, «самодостаточность», «связь соборного начала с индивидуальной, личной духовной жизнью»⁴ и (куда без этого) «чувство собственного духовного достоинства», включающее гордость за родину и ее армию⁵.

Мы не собираемся ни уточнять или оспаривать эти программные дефиниции, ни предлагать какие-то новые эдиционные решения, связанные с этим фрагментом, но хотели бы проверить общий для всех толкователей тезис, согласно которому слово *самостоянье* придумано и введено в русский язык Пушкиным, ибо его нет ни в одном существующем словаре. Мы также хотели бы показать, что при ближайшем рассмотрении представленная во фрагменте Пушкина концепция не имеет никакого отношения к проповеди национальной или имперской исключительности и, если уж и связана с идеей величия, то не государственного или национального, а такого, какое определяется в «Отрывках из Путешествия Онегина» иронической формулой «[щ]ей горшок, да сам большой».

«Веще слово»

Начнем с того, что сам Пушкин, конечно, *не вводил* это слово в русский язык. Стихотворение, в котором оно было использовано, так и осталось в его болдинской тетради незавершенным, причем строфа, включавшая этот «неологизм», была уверенно вычеркнута поэтом. В русский язык это слово *вошло* благодаря публикации Шляпкина (и опиравшимся на нее изданиям сочинений Пушкина), а еще точнее — благодаря статьям и речам политиков, литературных критиков и философов 1910—1930-х годов, увидевших в нем *сredo* Пушкина, выражавшее его консервативное политическое сознание. Примечательно, что на протяжении нескольких десятилетий это слово популяризировалось в русской эмигрантской печати («Русская мысль», «Православная Русь», «Возрождение» и др.) как свидетельство национальной гордости поэта — «дивного чувства» «преемственности идей, тем и форм, возникающих из религиозных отечественных глубин»⁶.

Для ностальгического эмигрантского восприятия этих стихов весьма показательна эмоциональная речь Ивана Шмелева на торжественном собрании по поводу десятилетия «Возрождения»: «Две-над-цать строчек. Что это?! Да это целая система! Нравственная, философская, религиозная, воспитательная, даже политическая система»⁷. В другой речи, посвященной столетней годов-

3 Лосев Л. Москвы от Лосеффа // Знамя. № 2. 1999 (<https://znamlit.ru/publication.php?id=696> (дата обращения: 16.06.2023)).

4 Франк С. Религиозность Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX—XX век / Сост., вступ. ст., библиогр. справки Р.А. Гальцевой. М.: Университетская книга, 1999. С. 438.

5 Ильин И.А. Сочинения: Религиозная философия: В 2 т. Т. 2. М.: Медиум, 1993. С. 194.

6 Мейер Г. Достоевский и Боратынский // Возрождение. 1950. № 9. С. 84.

7 Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1999. С. 503. Едва ли не наиболее развернутая — до профетической истерики — национально-мистическая интерпретация этого стихотворения дана в статье Шмелева «Как нам быть? Из писем о России», опубликованной в «Русском колоколе» 1927 года Ильиным: «Вот — правда и вера Пушкина, заповедь его, национального, *нашего* Учителя, которого мы еще мало знаем. Читайте и перечитывайте его. Он — национальный. И, весь национальный, полный национального, он и за-национальный, он — *всякий*, как Достоевский

щине смерти Пушкина, Шмелев утверждал: «Если бы нас спросили, о самом важном, чего хотите? — вся Россия, и тут и там, сказала бы: “*Себя, самостоянья своего! жизни своей, по воле своей хотим*”»⁸. «Только в самостоянии будет жить Россия, — развивал эту мысль друг Шмелева философ Ильин. — Никто ей не поможет. Она должна помочь себе сама: молитвенным подъемом и действенной волей...»⁹ Иное, метафизическое значение придал пушкинскому слову Вячеслав Иванов в военном цикле стихотворений «Римский дневник 1944 года»:

Так вызывал ты Сатану,
Свет-Михаил, на поединок.
И днесь, архистратиг иль инок,
Ты к духу держишь речь одну:

«Отважен будь! Отринь двуличье!
Самостоянью научись!
В Христово ль облекись обличье —
Или со Зверем ополчись»¹⁰.

В Советском Союзе отрывок Пушкина, печатавшийся в собраниях сочинений поэта в редакции Т.Г. Цявловской, оказался идеологически востребованным в период Отечественной войны. Он последовательно включался в патриотические литературные антологии («Родина: сборник высказываний русских писателей о родине», 1942; «Русские поэты о родине: антология», 1943; «О родине: Сборник высказываний писателей народов СССР», 1944). В 1945 году «Журнал московской патриархии» (только что воскрешенной И.В. Сталиным под надзором органов безопасности) назвал его «вещим словом», очеловечивающим людей. Со второй половины XX века пушкинское слово *самостояние* стало активно использоваться как метафизический или экзистенциалистский термин — русский аналог хайдеггеровского *Insichstehen* (в-себе-стояние)¹¹. Оно часто фигурирует в названиях статей и книг философического и (гео)политологического толка.

открыл его. В нем как бы знамение *будущей* России, ее возможностей! <...> Это — религия, духовная связь с родиной. Это — национальный *идеал*. Это глас Божий в нас. <...> Это весь *опыт* прошлого, корни прошлого, ответы солнца прошлого, освещающие нам путь, с истоков родины нашей, с первых, детских ее шагов — до торжественно-властной поступи в истории народов! Это голоса славных гробниц наших, заветов и заклинаний тех, что *пали* за дело родины. Эти голоса наполняют духовное наше существо. <...> Это — *история*. Это песнь, вещая песнь России, вещный голос чудесных ее Певцов... Великое богатство предков, их *опыта*, — навеки связало вас, и ведет, если вы подлинно *кровный, ихний*» (Шмелев И.С. Душа Родины. Сборник статей от 1924—1950 г. Париж: Изд-во Русского научного института, 1967. С. 172—173).

- 8 Речи о Пушкине, 1880—1960-е годы / Сост. В.С. Непомнящий, М.Д. Филин. М.: Текст, 1999. С. 230.
- 9 Ильин И.А. За национальную Россию. Манифест русского движения // Слово. 1991. № 6. С. 25.
- 10 Иванов Вяч.И. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 632.
- 11 Сергей Бочаров обратил внимание на то, что его коллега А.В. Михайлов перевел хайдеггеровский термин именно «пушкинским» словом: «Уникальное творческое слово немецкого философа передается уникальным творческим словом русского поэта:

Но был ли Пушкин *создателем* этого слова? Конечно, можно допустить, что он «сконструировал» (перевел) его как кальку с немецкого *Selbständigkeit* (или *der Selbststand*¹²), «заполнив» тем самым недостающую морфологическую ячейку в «периодической таблице» русского языка (самостоянье как антитеза самовластью)¹³. Но проблема заключается в том, что это не вошедшее в русские словари слово было известно задолго до публикации Шляпкина и, главное, до предположительной даты написания пушкинского отрывка (октябрь 1830 года).

Русские прецеденты

Впервые (насколько мы знаем) оно было использовано в российской печати во второй части ультраархаической «современной поэмы» Павла Свечина (1788—1845) «Алекса́ндроида» (1828) в описании побед русского воинства над французами при Гжати и Вязьме:

Борьба в преломе... Наблюдатель
 На брань роззобленную зрит:
 Что Галл — всех стран завоеватель?
 Что Росс — *самостоянья* щит?
 Наполеон всю власть державну,
 Всю дерзость злобы своенравну,
 Всю душу ада истощил, —
 И АЛЕКСАНДР всю мощь закона,
 Всю доблесть Царства, мудрость Трона,
 Всю Неба полноту явил...¹⁴

Поэма Свечина, изобилующая, по словам ее первого цензора А.Ф. Мерзлякова, «выражениями и оборотами неправильными и неупотребительными», вызвала насмешки критиков (см.: [Зайцева, Евсеева 2007: 510—511]), иронически противопоставивших это ископаемое чудище сочинениям Пушкина. В.Г. Белинский в статье о сочинениях Державина писал, что «никто не станет спорить, чтоб содержание “Алекса́ндроида” г. Свечина не было неизмеримо выше содержания “Руслана и Людмилы”, или “Графа Нулина” Пушкина; но никто также не станет спорить, что “Руслан и Людмила” и “Граф Нулин” — прекрасные поэтические произведения, а “Алекса́ндроида” — образец бездарности и

гениальное творческое решение переводчика» [Бочаров 1999: 9]. Следует уточнить, что слово *Insichstehen* использовалось в немецкой философии до Хайдеггера, то есть не было уникальным. В 1920-е годы термин «самостояние» был использован Михаилом Бахтиным в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» (1920—1924) [Бахтин 1986: 35].

- 12 В «Wörterbuch der Deutschen Sprache» И.Г. Камне (Joachim Heinrich Campe) 1810 года включено слово *der Selbststand* (Campe J.H. Wörterbuch der Deutschen Sprache. Т. 4. Braunschweig: in der Schulbuchhandlung, 1807. S. 409).
- 13 В черновиках Велимира Хлебникова есть фрагмент, включающий экспериментальные образования слов от корневой основы *-сам-* (Неизданный Хлебников: В 24 вып. Вып. VIII. М.: Изд. Группы друзей Хлебникова, 1928. С. 4).
- 14 *Свечин П.* Алекса́ндроида: В 2 ч. Ч. 2. М.: В тип. Семена Селивановского, 1828. С. 333.

ничтожности»¹⁵. Еще раньше Николай Полевой заметил, что по иронии судьбы поэма Свечина явилась на свет «в одно время» с «Полтавой»¹⁶.

Хотя интерес Пушкина к эстетическому потенциалу одических славянизмов в этот период хорошо известен, едва ли он прочитал свечинскую «Александриду» и позаимствовал из нее возвышенное слово *самостоянья*. Логичнее всего допустить, что это слово витало в языковом воздухе конца 1820-х годов — эпохи формирования национально-ориентированной литературной традиции, ставящей задачу скорейшего «возвращения» к самобытным истокам после столетнего странствования по Западу.

Действительно, в первой половине XIX века слово *самостояние* использовалось в значении государственной или национальной независимости (субъектности, автономии). Так, в более поздней брошюре А.Д. Черткова о русской нумизматике (1834) упоминаются «монеты Псковския, подобно Новгородским или *времени самостояния* с 1424 г.»¹⁷. В книге Павла Строева «Выходы Государей Царей и Великих Князей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Руси самодержцев» говорилось о том, что «в самом Новгороде люди житии (зажиточные), участвовавшие в правлении во времена его *самостояния*, часто назывались боярами»¹⁸ (в контексте пушкинской идеологии 1830-х годов здесь примечательна связь родовой аристократии с принципом «самостояния»)¹⁹.

В свою очередь, в статье об императоре Александре, помещенной в «Пантеоне знаменитых Современников» Ф.И. Веймара, мы читаем, что Венский конгресс по инициативе царя «продолжал свои действия, окончательно утверждая *права спокойствия и самостояния Европейских Государств*»²⁰.

Иначе говоря, редкое и яркое (а потому заметное) слово *самостояние* в языковом сознании 1820—1830-х годов имело политический оттенок и означало зрелое, самобытное существование и внутреннее развитие — не качество, как в образованном от прилагательного привычного слова *самостоятельность*, а состояние и процесс.

Славянские конкуренты

Здесь следует заметить, что пушкинское употребление этого «высокого» слова удачно вписывается в быстро развивавшуюся традицию «переводов» западно-

15 *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1976. С. 52.

16 Московский телеграф. 1830. Ч. 32. С. 70.

17 *Чертков А.* Описание древних русских монет. М.: В тип. С. Селивановского, 1834. С. 151. Пушкин был лично знаком с Чертковым, правда, это знакомство относится к более позднему времени.

18 *Строев П.М.* Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев: (С 1632 по 1682 г.) М.: В тип. А. Семена, 1844. С. 10.

19 Строев упоминает в «Списке иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви» строителей, присылаемых от Лавры «по приобретении самостояния» (*Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. С. 220).

20 *Веймар Ф.И.* Пантеон знаменитых Современников. Александр Первый, Император Всероссийский. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1838. С. 7.

европейской политической и философской терминологии на славянские языки. В первой половине XIX века оно чаще всего встречается в сербской и украинской литературе как калька немецкого термина *Selbständigkeit*. В переведенном с немецкого на славяно-сербский язык «Руководстве к домостроительству за Мужеский и Женский пол» (1809) мудрый отец наставляет свою выросшую дочь: «Нынѣ возвышую тебе петнаестъ лѣтъ, и скоро оставлене године помало у Правице и Должности *собственнаго самостоянія*»²¹. В напечатанной в том же Будиме первой части «Сербске летописи за год 1827» говорится, что «поредакъ у военной службы, коимъ се текъ едва добиено *самостояние* обдержаша могло, морао е Сенату кромѣ свега на сердце лежати»²² (интерес Пушкина к сербскому языку и сербской поэзии хорошо известен).

Позднее это слово и его деривативы будут использованы в книге известного «галицкого будителя» и реформатора письменного украинского («самостоянной правописи») языка Якова Головацького «Исторический очерк основания Галицко-русской Матице» (1850). Ср.: «...в другой части нашей истории, начинающейся съ времянь *постраданія нашего самостоянія политическаго, черезъ все наше Ляхольтіе*, конечно намъ есть неустанно предъ очима имѣти, постепенное наше отчужденіе ся сперва политическое, послѣ такожь и религійное отъ прочей Руси»²³. (В 1865 году А.С. Петрушевич напишет о галицком периоде Руси: «...начиная с XIV столетия, то есть, со времен *паденія нашего политическаго самостоянія*»²⁴.)

Обратим в этом контексте внимание на призыв Богдана Хмельницкого к «милым братьям козакам» из незаконченной пьесы Николая Костомарова «Украинские сцены из 1649 года» (середина 1840-х годов):

Чиє сердце не обважитъся скрухою, помышляючи о судьби града сѣго, колись слава и горда столиця вольного и *самостоянного народу руського*, предкивъ нашихъ, градъ полный злата и срибра и каменіи честныхъ, — теперь бидна руина, могила перешлои славы!²⁵

Можно сказать, что идеологически ближе всего слово *самостоянье* не к церковнославянскому *самобытность* (в значении *самостоятельность*)²⁶, но к украинским словам *самостойность*, *самостійність* или более редким книжным образованиям *самостоянность* и *самостоянство*²⁷, обозначавшим у га-

21 Микович Г. Руководство к домостроительству за Мужеский и Женский пол, с Немецкого на Славено-Сербский язык. Будим, 1809. С. 61.

22 Сербске летописи за год 1827. Ч. 1. Будим, 1827. С. 38.

23 Головацкий Я. Исторический очерк основания Галицко-русской Матице. Львов: Черенками Института Ставропигияньского, 1850. С. LXXIV.

24 Петрушевич А. Рассуждение о важности исторических записок и надписей, яко источник для нашей истории // Наукный сборник издаваемый Литературным обществом Галицко-русской Матицы. (Литературное отделение). Львов, 1865. С. 2.

25 Костомаров Н.И. Литературное наследие: автобиография, стихотворения, сцены, исторические отрывки, малорусская народная поэзия, последняя работа. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. С. 242.

26 Как заметил академик В.В. Виноградов, в поздние годы Пушкин сближал церковнославянское слово *самобытность* «со словом *самостоятельность* (буквальный перевод нем. *Selbstständigkeit*)» [Виноградов 1935: 265].

27 Так «Малоруско-німецькій словарь» Е. Желеховского предлагает переводить *Selbstständigkeit* (*Желеховский Е. Малоруско-німецькій словарь*. Вд. П. Львів: в друкарні тов. им. Шевченка, 1886. С. 851). В «Полном немецко-российском лексиконе» 1798 года

лицких авторов утраченную или обретаемую в борьбе политическую и культурно-лингвистическую независимость от чужеземной власти (прежде всего австро-немецкой и польской, затем московской)²⁸. В XIX веке это слово употреблялось и в значении «духовная свобода» («духовная самостійність»), но опять же в контексте восходящей к идеалистической философии Фихте идее национальной самореализации народа (*die selbstständige Fortdauer seiner Nation* в его знаменитых «Речах к немецкой нации»²⁹).

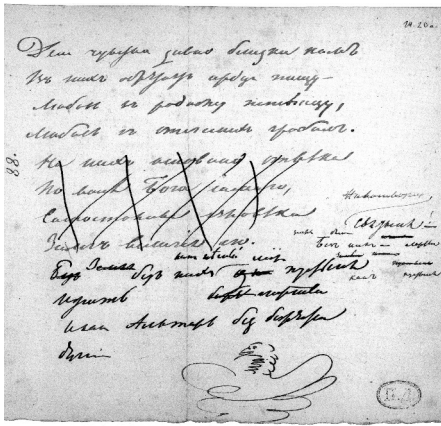
Английский стиль

Из приведенного экскурса в сравнительную историю «пушкинского» слова следует, что оно не является ни пушкинским, ни специфически русским, но отражает общий для славянских литератур романтической эпохи процесс художественного языкотворчества. Использованное Пушкиным в вычеркнутых вариантах незаконченного стихотворения, оно, скорее всего, представляет собой славянизированный по эстетическим и идеологическим соображениям аналог слова *Selbständigkeit* (*Selbstand*), встречающийся в русской (по отношению к средневековым республикам Новгорода и Пскова) и славянских литературах пушкинской эпохи³⁰.

встречается слово *самостоящая* по отношению к всеобщей, первоначальной, главной истине в богословии (перевод немецкого слова *die Grundwahrheit*: Полный немецко-русский лексикон, из большого грамматично-критического Словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания Немецкого языка нужных словоизречений и объяснений: В 2 т. Т. 1. СПб.: в Императорской тип. у Ивана Вейтбрехта, 1798. С. 79). Это же прилагательное несколько раз используется в «Руководстве к славенской грамматике: исправленной во употребление славено-сербских народных училищ» Аврама Мразовича (*Мразович А. Руководство к славенской грамматике. Будапешта: писмени Кралевскаго всеучилища Пештанскаго, 1800*).

- 28 Ср. в программном вступлении И. Вагилевича к сборнику украинских народных песен «Русалка дністроява» (1837): «Нарід руський один з головних поколінь слов'янських, в середині між ними, розкладаєся по хлібородних окресностях з-поза гір Бескидських за Дон. Він найширше задержав у своїх поведінках, піснях, обрядах, казках, прислів'ях все, що єму передвіцькі діди спадком лишили; а коли другі племена слов'ян тяглими загонами лютих чужоплеменників печалені бували і часто питома власть ріками крові теряних чад пересякала, коли *наслідок схилили в'язи під окуви залізні і лишилися самостоянства*, Русь заступлена була Бескидами, що ся на низу ланцями пов'язали, і огорнена густими і великими ріками, що як сестриці почіплялися за руки» (цит. по: Україна: Романтики національного відродження (1800—1863 роки): У 10 т.: Дорога до себе. Т. 5 [редкол.: І.М. Дзюба]. Київ: Основи, 2009. С. 82).
- 29 *Fichte J.G. Reden an die deutsche Nation. Berlin: Neimann, 1869. С. 80.*
- 30 Интересно в этом контексте проследить генезис хлебниковского выражения *самодержавный народ* в известном стихотворении «Свобода приходит нагая...» (апрель 1917), навеянного, в частности, стихами тринадцатилетней украинки Милицы. Заметим, что просветительское (Руссо, Монтескье) по происхождению выражение *самодержавный народ* неоднократно встречается в русской литературе XIX — начала XX века. Ср., например, у Г.В. Плеханова: «Согласно истории, самодержавный народ (*le peuple souverain*) создал королей своим выбором, причем он предпочитал для этого таких людей, которые превосходили других умелостью и добродетелью» [Плеханов 1925: 165]. Это слово пользовалось популярностью во время первой революции и после Февральской. Так, в брошюре Н.Н. Соколова (Дикого) «Что такое всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право?» (СПб., 1905; переизд. Пг.: Изд-во

В то же время семантическое экспериментаторство «архаиста» Пушкина, еще в первой половине 1820-х годов осознавшего необходимость создания русского абстрактного «метафизического языка»³¹, заключается в том, что это редкое выразительное слово он перенес из «германского» этно-политического (романтического, фихтеанского, самостояния нации, языка и государства) контекста в гораздо более близкий ему «английский» индивидуально-исторический (родовые пепелища Вальтера Скотта и Роберта Саути как «залоги» самостояния личности, определяемой сословной культурной памятью и ответственностью перед прошлыми поколениями), сохранив при этом его ностальгически-патриотическую окраску (как в антинаполеоновской «Александрюиде» Свечина). Такие семантические сдвиги-обновления (неосемантизмы) забытых или маргинальных слов нередки в истории литературы (достаточно вспомнить хлебниковские преобразования архаизмов, диалектизмов и украинизмов вроде слова *самовитый*).

Ил. 1. Беловой автограф стихотворения, переходящий в черновой. Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 244. Оп. 1. № 137. Л. 1. Воспроизводится по: А.С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 года. Т. 3. СПб., 2013. С. 61.

О том, что в основе этого пушкинского фрагмента, тесно связанного, как известно, с «Моей родословной», лежит именно индивидуальное дворянское (рыцарское), а не национальное чувство, говорит, как мы полагаем, и изображение в нижней части листа геральдического орла — не двуглавого царского, а одноголового, «пруссского», с распростертыми крыльями и высунутым языком.

По всей видимости, Пушкин срисовал здесь часть своего фамильного герба или личной печати, полученной в 1830 году от дяди Василия Львовича (в «Моей родословной»: «Под гербовой моей печатью / Я кипу грамот схоронил»³²).

Орел с высунутым языком был и на гербе его пращура по материнской линии Ганнибала, потомки которого владели селом Захаровым, куда поэт приехал летом 1830 года, вскоре после своей помолвки.

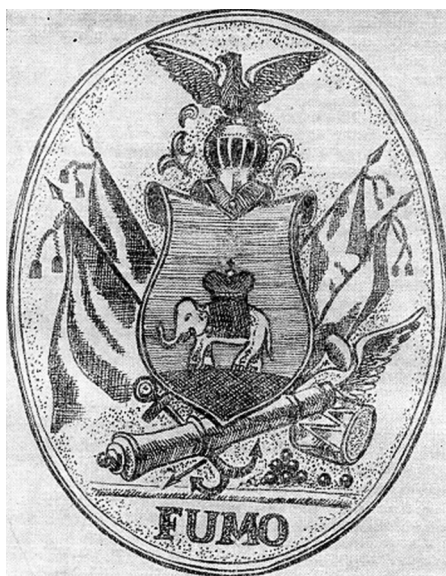
Союза солдат-республиканцев, 1917) воспевается воля «Его Величества Самодержавного народа» (цит. по: Свободный флот. 1917. № 2 (4). 26 августа. С. 21). Хлебников впоследствии заменил слово *самодержавный* на *самосвободный*, но и последнее, вопреки мнению хлебниковедов, не является неологизмом (использовалось в философском лексиконе). Не являются неологизмами Хлебникова и церковно-славянские и древнерусские составные слова с корнем *-сам-*: *самобожество*, *самоумие*, *самостный*, *самотворец*, *самоглас*, *самогуд*, *бессамный* и т.д. (см.: [Перцова 1995]).

31 Выражение, как установлено, восходит к сочинениям г-жи де Сталь (la langue des metaphysiciens). О пушкинской семантике слова *самовластье* см.: [Сурат 2002].

32 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т.3, кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 262.

Ил. 2. Герб рода Пушкиных из дела московского губернского предводителя дворянства. 1799. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Воспроизводится по: А.С. Пушкин. Болдинские рукописи 1830 года. Т. 1. СПб., 2013. С. 2.

Ил. 3. Герб Ганнибалов. Воспроизводится по: Телетова Н.К. Герб Ганнибалов // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. Вып. 23. С. 142.

В письме к дочери Н.О. Пушкина от 22 июля 1830 года сообщала о своем старшем сыне: «Он совершил этим летом сентиментальное путешествие в Захарово совершенно один, единственно чтобы увидеть место, где он провел несколько лет своего детства» [Аринштейн 1991: 178]. Отсюда Пушкин ездил в Вяземы князя Голицына (бывшая вотчина Годунова), где похоронен был его младший брат, умерший в 1807 году. Можно предположить, что ностальгическое стихотворение о двух дивных чувствах было задумано поэтом еще до приезда в Болдино, во время его сентиментального путешествия в деревню бабушки Ганнибал.

Как точно заметила И.З. Сурат:

...если в статьях и прозе Пушкин говорил об «уважении к мертвым прадедам», «уважении к минувшему» (««Наброски статьи о русской литературе»», 1830), о праве «гордиться славой своих предков» («Отрывки из писем, мысли и замечания», 1827), то в стихах на место «уважения» и «гордости» приходит «любовь» и таким образом «разговор о родовой памяти переводится из плана исторического и социального в сферу душевной жизни человека [Сурат 2009: 413].

Слово *самостоянье* здесь не что иное, как возвышенная форма любимого (и столь же далекого от имперскости, сколь далек от Петра Великого обедневший представитель старого рода Евгений из «Медного всадника») выражения поэта *сам большой* — сам на своем родовом месте, представитель своего — как

уже ему было ясно, обреченного — сословия (отсюда обобщенное «мы» в афористическом тексте), держащего свой щит на наследственной земле, открытой роковым страстям.

В свою очередь, некоторые эмигрантские, поздние и постсоветские истолкователи этого незавершенного стихотворения, сконструированного консервативно настроенным славистом (Шляпкин в шутку называл себя «старым народником-черносотенцем — в политическом отношении» [Берков 1967: 277]), гиперидеологизировали слово *самостоянье* как ключ к пушкинской религии и «вернули» его в национально-патриотический контекст, отождествив семейные пенаты и предания независимой от царя и мнения толпы пушкинской поэтической личности с концептом утраченного и чаемого ими уникального православного самодержавного национального государства: «Великое богатство предков, их *опыта*, — навеки связало вас, и ведет, если вы подлинно *кровный, ихний*» (см. выше).

В результате мимолетное пушкинское слово было положено в основание мифа о государственном (имперском) самосознании или русском национализме поэта, являющемся важной частью российской пропаганды в разные эпохи (вспомним в этой связи недавний концепт «суверенной демократии», популярные идеи полного самообеспечения и счастливой самоизоляции России вплоть до совсем с пылу с жару терминоида «самобытное государство-цивилизация»). Муляжи «отеческих гробов» с маркой «А.С. Пушкин» в этом идеологическом ритуале доставляются, как в крымской постановке «Бориса», прямо на дом отечественному читателю.

Между тем не стоит забывать, что по какой-то причине строки с этим выразительным словом Пушкин вычеркнул, а стихотворение так и не закончил. Может быть, оно показалось ему чересчур личным (версия Сурат) или чересчур вычурным и навязчиво рассудочным, и прав был Щеголев, полемически связавший «шляпкинскую» конструкцию с ранней пушкинской пародией на нехитрую благочестивую семейную идиллию старшего поэта-современника, описывающую пепелище древнего отеческого замка:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль, что, если это проза,
Да и дурная...³³

33 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 2. Ч. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 412.

Библиография / References

- [Альтшуллер 2023] — *Альтшуллер М.* Почему Пушкин считал, что политические свободы не нужны // Горький. 2023. 18 января (<https://gorky.media/context/pochemu-pushkin-schital-chto-politicheskie-svobody-ne-nuzhny/> (дата обращения: 16.06.2023)).
- (*Al'tshuller M.* Pochemu Pushkin schital, chto politicheskiye svobody ne nuzhny // Gor'kiy. 2023. January 18 (<https://gorky.media/context/pochemu-pushkin-schital-chto-politicheskie-svobody-ne-nuzhny/> (accessed: 16.06.2023)).)
- [Аринштейн 1991] — *Аринштейн Л.М.* Сельцо Захарово в биографии и творчестве Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 14 / Отв. ред. Я.Л. Левкович. Л.: Наука, 1991. С. 177—191.
- (*Ariushtein L.M.* Sel'tso Zakharovo v biografii i tvorchestve Pushkina // Pushkin: Issledovaniya i materialy. Vol. 14 / Ed. by Ya.L. Levkovich. Leningrad, 1991. P. 177—191.)
- [Бахтин 1986] — *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / Примеч. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986.
- (*Bakhtin M.* Estetika slovesnogo tvorchestva / Notes by S.S. Averintsev, S.G. Bocharov. Moscow, 1986.)
- [Берков 1967] — *Берков П.Н.* Русские книголюбцы. Л.: Советский писатель, 1967.
- (*Berkov P.N.* Russkie knigolyuby. Leningrad, 1967.)
- [Бочаров 1999] — *Бочаров С.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999.
- (*Bocharov S.* Syuzhety russkoy literatury. Moscow, 1999.)
- [Виницкий 2023] — *Виницкий И.* Пушкин в киевском Софийском соборе. О ключевом эпизоде романа И.А. Новикова «Пушкин на юге» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 37 / Отв. ред. А.Ю. Балакин. СПб.: Восток, 2023. С. 175—177.
- (*Vinitckii I.* Pushkin in kievskom Sofiyskom sobore. O klyuchevom episode romana I.A. Novikova "Pushkin ia yuge" // Vremennik Pushkinskoy komissii. Iss. 35 / Ed. by A.Yu. Balakin. Saint Petersburg, 2023. P. 175—177.)
- [Виноградов 1935] — *Виноградов В.В.* Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935.
- (*Vinogradov V.V.* Yazyk Pushkina: Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Moscow; Leningrad, 1935.)
- [Зайцева, Евсеева 2007] — *Зайцева А.И., Евсеева М.К.* Свечин Павел Иванович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 5 / Гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 510—512.
- (*Zaitseva A.E., Evseeva M.K.* Svechin Pavel Ivanovich // Russkie pisateli. 1800—1917. Biograficheskiy slovar'. T. 5 / Gl. red. P.A. Nikolaev. Moscow, 2007. P. 510—512.)
- [Захаров 1995] — *Захаров В.Н.* Трагедия и Сатира: «вечные» роли героев Достоевского // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: канонические тексты: В 15 т. / Под ред. В.Н. Захарова. Т. 6. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1995.
- (*Zakharov V.N.* Tragediya i satira: "vechnye" roli geroev Dostoevskogo // Dostoevskiy F.M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty: In 15 vols. Vol. 6. Petrozavodsk, 1995.)
- [Кошелев 2013] — *Кошелев В.А.* Об автографах пушкинского стихотворения «Два чувства дивно близки нам...» // Временник Пушкинской комиссии: Сборник научных трудов. Вып. 31 / Отв. ред. А.Ю. Балакин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2013. С. 164—171.
- (*Koshelev V.A.* Ob avtografakh pushkinskogo stikhotvoreniya "Dva chuvstva divno blizki nam..." // Vremennik Pushkinskoy komissii: Sbornik nauchnykh trudov. Iss. 31 / Ed. by A.Yu. Balakin. Saint Petersburg, 2013. P. 164—171.)
- [Лотман 1996] — *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство—СПб, 1996.
- (*Lotman Yu.M.* O poetakh i poezii. Saint Petersburg, 1996.)
- [Макогоненко 1974] — *Макогоненко Г.* «Самостоянье человека, залог величия его...» // Вопросы литературы. 1974. № 6. С. 35—69.
- (*Mokogonenko G.* Samostoyan'e chekoveka, zalog velichiya ego..." // Voprosy literatury. 1974. No. 6. P. 35—69.)
- [Пеуранен 2002] — *Пеуранен Э.* «Сила слова и величие человеческое» // Пушкин через двести лет: Материалы международной научной конференции юбилейного (1999) года / Под ред. В. Непомнящего. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 270—277.
- (*Peuranen Ekka V.* "Sila slova i velichie cheloveshekoe" // Pushkin cherez dvesti let: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii yubileynogo (1999) goda / Ed. by V. Nepomnyashchiy. Moscow, 2002.)

- [Перцова 1995] — *Перцова Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова / Предисл. Х. Барана. М.; Vien: Hansen-Löve, 1995.
(*Pertsova N. Sovar' neologizmov Velimira Khlebnikova. Moscow; Vien, 1995.*)
- [Плеханов 1925] — *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли: В 3 т. 2-е изд., доп. Т. 1. М.; Л.: Гудок, 1925.
(*Plekhanov G.V. Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli: In 3 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1925.*)
- [Сурат 2002] — *Сурат И.З.* Заметки о пушкинском словаре. 3. Смиранный и суровый. 4. «В тишине самовластия» // Московский пушкинист: Ежегодный сборник. Вып. X. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 48—55.
(*Surat I.Z. Zametki o pushkinskom slovare. 3. Smirennyy i surovyy. 4. "V tishine samovlastiya" // Moskovskiy pushkinist: Ezhegodnyy sbornik. Iss. X. Moscow, 2002. P. 48—55.*)
- [Сурат 2009] — *Сурат И.З.* «Два чувства дивно близки нам...» (1830) // Пушкинская энциклопедия. Произведения. Вып. 1. А—Д / Отв. ред. И.С. Чистова. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 412—415.
(*Surat I.Z. "Dva chuvstva divno blizki nam..." (1830) // Pushkinskaya entsiklopediya. Iss. 1. A—D / Ed. by I.S. Chistova. Saint Petersburg, 2009. P. 412—415.*)
- [Сурат 2015] — *Сурат И.З.* Опущенные строфы в лирике А.С. Пушкина: текст и смысл // От истории текста к истории литературы / Отв. ред. М.И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 24—45.
(*Surat I.Z. Opushchennye strofy v lirike A.S. Pushkina: tekst i smysl // Ot istorii teksta k istorii literatury / Ed. by M.I. Shcherbakova. Moscow, 2015. P. 24—45.*)
- [Шляпкин 1903] — *Шляпкин И.А.* Из неизданных бумаг А.С. Пушкина. М.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903.
(*Shlyapkin I.A. Iz neizdannyykh bumag A.S. Pushkina. Moscow, 1903.*)
- [Щеголев 1904] — *Щеголев П.Е.* Ненаписанные стихотворения А.С. Пушкина // Исторический вестник. 1904. № 1. С. 263—274.
(*Shchegolev P.Ye. Nenapisannyye stikhotvoreniya A.S. Pushkina // Istoricheskiy vestnik. 1904. No. 1. P. 263—274.*)
- [Энгельгардт 2019] — *Энгельгардт Б.* Литературоведение. Избранное. М.: Юрайт, 2019.
(*Engelgardt B. Literaturovedenie. Izbrannoe. Moscow, 2019.*)